

Димитрий Болгарски
преподаватель КД

О церковном пении (Размышления к истории)

Мы — хор мира,
Христом рожденные,
народ разумный!
Бога мира в псалмах
да восхваляем все купно.
Климент Александрийский

Естественная потребность человека, осмысливающего происхождение окружающего мира, — прославлять, воспевать, благодарить своего Всемогущего Создателя, воздавать Ему честь и поклонение.

Как следствие, исходя из понятий о Боге — Творце и Промыслителе Вселенной, оно рождает желание становиться участником Его Божественной Славы. К этому побуждают верующего веления души и сердца, все религиозные переживания, которые наиболее полно находят свое выражение в христианском Богослужении, в форме поэзии, пения, распевном чтении, священнодействиях, всем синтезе искусств, употребляемом в храме.

Пение — одна из загадок человеческого существа, поскольку в нем, таинственным образом происходит посвящение поющего воспеваемому предмету, отдача себя тому духу, которым пронизано музыкальное произведение. При внимательном

наблюдении за профессиональными певцами, нельзя не заметить, как они, исполняя то или иное музыкальное произведение, и создавая художественный образ, настолько проникаются духом произведения, что начинают жить уже не своей жизнью, но жизнью своего героя.

Человеку неверующему, не осмысливающему свою жизнь и жизнь окружающей природы как необходимость благодарной молитвы Богу, молитвы-ответа, исполненной любви, удивления, восхищения (перед величием и совершенством Божиего творения), никогда не понять ни тайны бытия человека, ни его способности к пению, к благодарному славословию, посвящению всего себя в пении Высшему Началу. А ведь именно это раскрывает тайну и всю глубину способности человека петь, реализуя тем самым свою жизнь как свободный ответ-молитву на полный любви призыв Бога к единению и общению.

Как бы окружающий современного человека мир ни противоречил этой истине, желая насадить свое звучание и свое «пение», весь мир природы — пение птиц, журчание ручья, шум леса, морской прибой, тишина, звездное небо — говорит об обратном.

«Все есть число и гармония», — утверждал древнегреческий философ Пифагор, говоря, что числовые соотношения между семью тонами музыкальной гаммы выражают расстояния планеты от «центрального огня», а «хоровод мировых светил» создает удивительную «музыку сфер», способную быть воспринятой только избранными. Эта «музыка» возбуждала у многих, способных творчески мыслить, желание быть причастными к ее великой гармонии. Скорее всего, такое внутреннее побуждение есть не что иное, как память об ангельском пении, пении, которое звучит от самого сотворения мира, когда «при общем ликовании утренних звезд, ... все сыны Божии восклицали от радости» (Иов. 38, 7), и во вся веки будет звучать в вечности.

Из всего многообразия звуков окружающей природы пение птиц, без сомнения, является наивысшей и совершеннейшей музыкой. Понимание его поможет понять суть богослужебного пения, совершаемого в храме.

Исследования современных ученых подтверждают, что у птиц пение — не простая игра звуков и ни в коем случае не автоматическое исполнение одной готовой мелодии наподобие шарманки. Нельзя также сказать, что их пение это исключительно «язык» взаимного понимания. Здесь предстает подлинное искусство: изливание избытка жизненной силы, потребность в утешении себя и других, выражение собственного внутреннего чувства. И если Господь премудро положил им через эти напевы, рождаемые, главным образом, любовью (для продолжения рода), такой образ пения, как модель правильного естественного славословия, то не конкретное ли это указание человеку для такого же самозабвенного пения (только для продолжения жизни своей души в Небесном Царстве). Действительно, как в греческом, так и в древнерусском богослужебном пении известны подражания типа «те ри рем», «то, то ри рем...» и другие «внесмысловые» вставки, являющиеся не чем иным, как воспарением души в чистом ликовании к Богу, наподобие весеннего пения птиц.

Бесконечное разнообразие птичьего пения свидетельствует, что каждая птица присущие ей напевы поет не одинаково, различно. Соловей, например, создает свои «композиции» из определенных колен, специальных попевок, которые варьируются между собой. Этот принцип хорошо известен в церковном пении: так распевщик создавал богослужебный напев из мелодических канонических формул подобно мозаике, как искусный мастер, творчески соединяя в рамках единого канона различные музыкальные структуры. Даже кажущаяся неизменность и однообразие зова кукушки колеблется в объеме пяти полутонов.

В мире природы есть свои учителя, свои художники-творцы, свои подражательные таланты. Он полон жизни, звуков, пения, полон музыки. И этим он не может не влиять на человека.

Вся сущность птиц — это парение в воздухе, стремление ввысь, скорее всего именно этим они так близки религиозной душе. Ведь все процессы, происходящие в ней, подобно музыке, есть движение, течение и ничто так тонко и объемно не передает ее жизнь, как самое нематериальное искусство — пение. Поэтому вполне закономерно, что в Церкви основным богослужебным языком молитвы является пение. С первыми звуками душа человека, подобно птице взлетает над обыденной суетой окружающего мира, парит в стремлении и любви к Богу.

Согласно учению Церкви, богослужебное пение — небесного происхождения. По словам праведного Иова, хвалебной песню Творцу огласился весь видимый мир, как только он был сотворен (Иов. 38, 7). Затем, пророки — избранные люди — в восхищении слышали песнь бесплотных сил Тринипостасному Богу. Так, пророк Исаия видел Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном. Его окружали шестикрылые Серафимы, которые зывали друг ко другу: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!» (Ис. 6, 3).

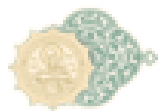
Как уверяет апостол Павел, «неизреченные слова» (2 Кор. 12, 4) и глаголы, которые звучат в Царствии Небесном, нельзя пересказать человеку, однако из видения пророка Исаии видно, что Серафимы в пламенной любви зывали друг ко другу, следовательно, передавали свои ощущения, и, возгревая свою любовь ко взаимному славословию величия Божия, во взаимном единстве умножали внутреннюю радость и блаженство. Серафимскому горению духа, благодатному миру, ревностному служению и радости о Господе в самые ответственные минуты нашего богослужения призываемся и мы устами Матери-Церкви в богослужебных песнопениях: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф...»

В тайном предведении великой задачи, Богом ниспосланной на Пресвятую Богородицу, славит душа Марии Господа, и дух ее, преисполнившись божественной радостью, изливается в торжественном песнопении еще до Рождества Спасителя мира. Пением оповещают ангелы людей о рождении на земле Бога — Иисуса Христа. Тогда небесное воинство огласило слух вифлеемских пастырей неземными звуками и ангельскими головами, воспевая новую песнь: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» (Лк. 2, 14). Отныне «прежде сень законная благодати пришедши» (догматик 2 гласа), до человека достигло небесное пение, отныне он подобно ангелам, используя их образ хвалы и пения, и вместе с ними, через чистую «жертву уст» может восходить к своему Создателю.

Во время Успения Божией Матери, когда весь «мир оживотворися, во псалмах и пении и песнях духовных, со бесплотными и апостолы» (стихира на литии), люди, очевидно, слышали ангельское пение.

Серафимы, Ангелы учат нас прославлять Бога за благодеяния, являемые человеку, учат через славословие стремиться к Богу, созерцать Его Славу, возвышаться умом и сердцем над обыденностью и, обучившись любви и преданности Богу здесь, на земле, в Вечности всегда вместе с ними достигать нескончаемого блаженства. «Не постигая небесной гармонии, возбуждающей апостолов к созерцанию, — пишет архим. Гавриил, — мы при посредстве законов земной гармонии, при посредстве звуков в пении возвышаем дух свой, изливаем пред Богом в возвышенном тоне голоса сердечные свои чувствования, свою душу, волнуемую сильным восторгом; при необыкновенных чувствованиях не довольствуемся ни обыкновенным языком, ни обыкновенным голосом, но ищем возвышенных выражений, соответствующих величию предмета, нас поражающего, удваиваем, усиливаем тон голоса, даем ему различную меру, различ-

ное направление протяжением, — одним словом, по законам гармонических звуков превращаем тон голоса в пение, и таким образом воссылаем при своем Богослужении песнь Богу»¹.

История Ветхозаветной Церкви свидетельствует — с самого начала человечество развивалось двумя путями, представлявшими две различные реакции человеческого сознания на посланный Богом тогда призыв к союзу и общению. С первым убийством, Каином Авеля, полагается одно направление развития человечества. Потомки Каина — «сыны человеческие», — уйдя от «лица Господня» в своей гордости и мнимой достаточности, трагически обрекают себя на смерть: «я убил мужа в язву мне и отрока в рану мне», — говорит Ламех (Быт. 4, 23), потомок Каина. Проклятые возделанной землей, впитавшей кровь Авеля, они становятся первыми создателями искусства. В нем люди стремятся заменить память о Боге, заменить Его отсутствие праздником искусства, томительным утешением музыки, подобно Иувалу, отцу «всех играющих на гуслях и свирели» (Быт. 4, 21). Тут искусство появляется как ценность культурная, а не культовая, это молитва, которая идет в никуда и ни к кому не доходит, потому что она не обращена к Богу. Рождаемая искусством красота замыкается сама на себе и своей магией приковывает к себе человека. Эти проявления человеческого духа дают начало культуре, как культу некой абстракции, в котором нет Того Присутствующего, к которому должен быть обращен всякий культ...

Другое направление человечества идет путем Сифа и его потомков — Авраама, Исаака, Иакова.... Будучи «сынами Божиими» они начали «призывать имя Господа» (Быт. 4, 26) и стали родоначальниками земного церковного пения. Прежде всего, истинное пение рождается в глубине души из внутренней тишины, от осознания утраченного Богообщения, от глубокой скорби и боли, от понимания своего трагического земного состояния.

Если в основе искусства первого направления лежит грубая «материальная» вибрация — звук как протест, как боль, рожденная от удара внешнего предмета об упругое тело — струну, натянутую кожу и пр., то в основе второго — тишина и молчание, внутренняя сосредоточенность, покаянный настрой души, что и есть основа молитвы, основа умного обращения к Богу.

О существовании этих двух направлений необходимо все время помнить исследователю церковного пения. Вся дальнейшая история, вплоть до современности, свидетельствует о существовании тенденции захвата, подмены, смещения духовного пения «сынов Божиих» и земной, не преображенной музыки «сынов человеческих».

Пение как способ выражения религиозных чувств употреблялось при Богослужении с глубокой древности. В книге Исход повествуется о чудесном прохождении израильского народа через Чермное море и избавлении его от преследования египетского фараона, когда в благодарность «сыны Израилевы воспе-ли Господу песнь сию и говорили: Пою Господу, ибо Он высоко превознесся; коня и всадника его ввергнул в море» (Исх. 14, 31—15, 1).

При перенесении ковчега завета в Иерусалим царем Давидом были определены и поставлены специальные «певцы с музыкальными орудиями, с псалтирями и цитрами и кимвалами, чтобы они громко возвещали глас радования» (1 Пар. 15, 16). Уже здесь заметно, как богослужebное пение становится отдельным, профессиональным занятием специально обученных и поставленных на это дело людей, обязанности каждого из которых были точно регламентированы. Так, «Еман, Асаф и Ефан играли громко на медных кимвалах, а Захария, Азиил, Шемирамоф, ... — на псалтирях, тонким голосом. Маттафия же... — на цитрах, чтобы делать начало. А Хенания, начальник левитов, был учитель пения, потому что был искусен в нем» (1 Пар.

15, 19—22). Как видим, тут есть певцы-музыканты, которые должны «делать начало», играть на кимвалах, петь тонким голосом, обучать игре и пр.

Известно, что в это время поставляются на службу перед ковчегом Господним некоторые из левитов, «чтобы они славословили, благодарили и превозносили Господа, Бога Израилева» (1 Пар. 16, 4), причем также указывается на разделение обязанностей певцов-музыкантов: одни для игры на кимвалах, другие — на псалтири и цитрах, третьи постоянно трубят в трубы перед ковчегом завета Божия. Для этих левитов пророк и псалмопевец Давид «в первый раз дал псалом для славословия Господу чрез Асафа и братьев его: ... Пойте Господу, вся земля, благовествуйте изо дня в день спасение Его» (1 Пар. 16, 7—23). Эти описания свидетельствуют о вполне сложившейся, развитой и довольно сложной богослужебной системе, для своего осуществления требующей определенной профессиональной подготовки.

При устройстве Иерусалимского храма, во времена царя Соломона, профессионализация богослужебного пения получает еще большее развитие. Из тридцати восьми тысяч левитов четыре тысячи были назначены храмовыми музыкантами, в обязанности которых входило прославлять Господа на музыкальных орудиях... (1 Пар. 23, 5). Вот как описывает Священное Писание событие, когда ковчег завета был внесен в отстроенный Соломоном храм: «И левиты певцы, — все они, ..., — одетые в виссон, с кимвалами и с псалтирями и цитрами стояли на восточной стороне жертвенника, и с ними сто двадцать священников, трубивших трубами, и были, как один, трубящие и поющие, издавая один голос к восхвалению и славословию Господа; когда загремел звук труб и кимвалов и музыкальных орудий, и восхваляли Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его; тогда дом, дом Господень, наполнило облако» (2 Пар. 5, 12—13). Это

описание помимо величественной картины наполнения дома [и] жия славой Господней во время всеобщего пения и славословия ценно тем, что указывает на слаженное, единое звучание огромного числа музыкантов, певцов: как «один голос», как один инструмент. Это указание свидетельствует об определенном уровне профессионализма и мастерства.

При возобновлении храмовых Богослужений в правление благочестивого иудейского царя Езекии в основном сохранялся прежний, установленный еще царем Соломоном, инструментально-певческий состав музыкантов. Особый акцент ставится на том, что этот состав и обычай был установлен «от Господа» и «чрез пророков Его» (2 Пар. 29, 25). При Езекии вводится специальное обеспечение храмовых певцов и их семей от десятины, приносимой жителями в дом Господень.

Вся история богослужебного пения Ветхого Завета есть период предуготовления. Это период постепенного исполнения обетования, медленного продвижения ко Христу. Ветхий Завет не знал внутреннего, благодатного освящения, поэтому тут закономерно использование музыкальных инструментов при совершении Богослужений. Как наиболее грубые и «материальные» в сравнении с пением, они естественнее выражали духовное состояние человека, живущего в то время. Когда настало время «Песни новой» (Пс. 95, 1—2; 97, 1) и на землю пришел Бог—Слово, Господь Иисус Христос, то с началом новой эры человечества приходит и новая реальность в возможности воспевать Бога так, как делают это ангелы. Поэтому первое христианское песнопение, согласно евангельскому повествованию, принесли на землю ангелы в рождественскую ночь: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» (Лк. 2, 13—14).

О неукорененности музыки светской, рожденной непреображенным человеческим сознанием, не пронизанным божествен-

ной энергией благодати и верой в жизнь будущего века, свидетельствует много фактов Священного Писания. Так, Господь Иисус Христос при воскрешении дочери Иаира, увидев «сви-рельщиков и народ в смятении, сказал им: выйдите вон» (Мф. 9, 23—24). Это свидетельство говорит, что перед тайной вечного бытия умолкают рожденные земными орудиями звуки. «И голоса... трубящих трубами в тебе уже не слышно будет; не будет уже в тебе никакого художника, никакого художества», — говорится в Откровении святого апостола Иоанна Богослова (Откр. 18, 22). Конечно, это не означает, что Новый Завет отрицает возможность присутствия музыки в жизни человека. Сам Господь, будучи на браке в Кане Галилейской, вероятно всего, слушал и не запрещал звучащую там музыку. Или в другом месте, в притче о блудном сыне, говорится о пении в бытовой жизни человека: «и возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование» (Лк. 15, 25). Но всякий раз нужно помнить, что пением, шире — музыкой, и участием в определенном виде их, может быть свидетельствовано отречение от Бога: «истинно говорю тебе, что ... прежде нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от Меня» (Мк. 14, 30). Как часто во время увлечения агрессивной, разрушительной музыкой происходит отречение человека, часто неосознанное, от Бога, от источника гармонии, тишины, мира — Иисуса Христа.

Обычай употреблять пение в Богослужениях Новозаветной Церкви как чистую «жертву хвалы» (Пс. 49, 23), как «плод уст, прославляющих имя Его» (Евр. 13, 15), освятил Сам Спаситель, когда после совершения тайной вечери, «воспев, пошел на гору Елеонскую» (Мф. 26, 30; Мк. 14, 26).

Апостол Павел убеждает исполняться Духом, «назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу» (Еф. 5, 19), в

кратком указании давая действенное средство Богопознания; через исполнение Духом в процессе молитвенного назидательного пения. В 18 стихе 5-й главы Послания к Ефессянам духовное пение противопоставлено состоянию беспечности, забвению, опьянению, распутству, которое может возникнуть от чрезмерного употребления вина. Можно предположить, что под вином, действующим на душу и тело человека опьяняюще и расслабляюще, здесь подразумевается светская музыка, которая во многих лучших своих образцах в виде своеобразной пищи души дает возможность на время забыть о конкретных проблем, связанных с памятью и зовом вечности.

В послании к Колоссянам апостол Павел раскрывает два аспекта церковного пения: дидактический и пневматологический. «Мир Божий... Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу» (Кол. 3, 15—16).

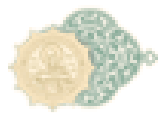
Песнопения, рекомендуемые апостолами для воспевания, состояли из псалмов или хвалебных песен Ветхого Завета, которыми Моисей, Анна, Аввакум, Иона, юноши в огненной печи выражали свою благоговейную радость ко Господу, но и не только. Охваченная благодарным ликованием и восторгом душа, исполненная новым чувством, рожденным верой, невольно изрекала новые слова и новые напевы славословия Господу. Нетрудно предположить, что первые обращенные в христианство евреи сохраняли еще чисто внешние, традиционные формы храмового Богослужения и вместе со старыми текстами, вероятно, повторяли отчасти и старые напевы. Новые элементы, большая свобода в выражении внутреннего содержания явились вслед за распространением христианства среди язычников. Естественно, что старые формы, старые напевы довольно скоро должны были перестать удовлетворять новому содержанию. Конечно,

можно было к старым напевам адаптировать новые тексты, но тогда им пришлось бы обучать прозелитов — крещенных из язычников, которые, не исключено, часто были хорошо образованы, в том числе и в области античной, эллинской, художественной и музыкальной культуры. Естественно, что древнеязыческие напевы наряду с еврейскими проникали в молодую Церковь. Будучи изменены новым, преображенным сознанием, они были очищены от языческого элемента, их форма была заполнена новым содержанием.

Иудейский писатель I века Филон писал о современных ему христианах: «Они не только занимаются созерцанием, но и составляют песни и гимны во славу Божию, в разных размерах, и напевах, непременно приспособляя к тому приличный ритм»², а Тертулиан в своей «Апологетике» пишет о большой роли личного пения во время Богослужения: «Когда подана вода для омовения рук и зажжены светильники, то просят каждого, в пределе его разумения, словами Священного Писания или же собственными словами воспеть хвалу Господу Богу». Даже языческие писатели свидетельствуют о Новозаветном пении. Так, Плиний в донесении к императору Траяну пишет, что «вся их (христиан) вина или заблуждение состоит в том, что они имеют обыкновение в известный день собираться вместе до восхода солнца и петь хвалебную песнь Христу как Богу».

Сам апостол Павел оставил пример прославления Бога песнопениями, когда он с Силой воспел в полночь и прославил Бога (Деян. 16, 25). Святитель Иоанн Златоуст в беседе о молитве говорит: «любящим Бога все споспешествует во благо; все прилежали к молитве и возносили удивительные пения гимнов так, что, наконец, темница сделалась церковью, и пением этих святых освящалось все место. И можно было видеть поразительные дела и необычайные. Люди, закованные в колоды, тем не менее воспевали гимны, и ничто им не препятствовало».

В Новом Завете, в Посланиях святых апостолов можно найти много мест, по внутреннему содержанию, по ритмическому размеру речи, по близости к размеру Ветхозаветных песней напоминающих песнопения. К примеру: «сего ради глаголем: востани спяй, и воскресни от мертвых, и освятит тя Христос» (Еф. 5, 14); «Верно слово: еще бо с Ним умрохом, то с Ним и оживем: еще терпим, с Ним и воцаримся: еще отвержемся, и той отвержется нас: еще не веруем, Он верен пребывает: отрещися бо Себе не может» (2 Тим. 2, 11—13); «Велня есть благочестия тайна: Бог явися во плоти... проповедан бысть во языцех, веровася в мире, вознесся во славе» (1 Тим. 3, 16). Особого внимания заслуживает благодарственная песнь верных, воспетая по случаю избавления апостола Павла и Иоанна из темницы: «Владыко, Ты, Боже, сотворивый небо и землю и море и вся, яже в них, иже Духом Святым усты отца нашего Давида отрока твоего рекл еси....» (Деян. 4, 24—30).

Нетрудно предположить, что мелодическое выражение этих древних христианских песнопений, гимнов, развивалось из совместной молитвы вслух всей общины, когда вырабатывались и закреплялись определенные традиционн-интонационные обороты речи. Постепенно эти обороты оформлялись в мелодическую декламацию, певчески закрепленную в строго определенных интервалах, которая со временем приобретала большую распевность и мелодическую развитость и кристаллизовалась в целостные песнопения, где слово просто и емко выражается мелодией.

Не приходится говорить о какой-либо определенной системе пения в первые века христианства, ее эстетической ценности. В те времена пение свидетельствовало радость новой жизни, заключая в простейшие формы необъятную глубину внутреннего содержания. Со временем, с усложнением внешних форм выражения, наблюдалась некоторая утрата понимания глубины содержания и попытка во внешнем восполнить недостаток внут-

ренного. Тогда еще, в период закладки фундамента здания храма, невозможно было сразу заботиться о внутреннем его украшении.

С первых веков христианства до нас доходят сведения о подвижниках, философах, святителях, трудившихся над составлением песнопений. Так, «небесный таинник» Дионисий (Ареопagit) хвалит «дивного» Иерофея, ученика ап. Павла, Афинского епископа и мученика, за составление священных гимнов, в которых он изложил важнейшие положения веры, достойные постоянного повторения. Также в повествовании о погребении Божией Матери говорится, что «Иерофей превосходил всех прочих священных певцов хвалебных песней, находясь как бы вне себя, приобщаясь предметам, которые воспевал; и все, слышавшие и видевшие его, понимавшие и не понимавшие, признавали его за вдохновенного и Божественного песнотворца».

Живший во II веке св. Иустин Философ написал книгу «Певец», которая к сожалению не дошла до нас. Можно предположить, что ее утрату отчасти восполняет написанная св. Иустином к императору Антонину (140 г.) «Апология», где изображается Богослужение II века. Скорее всего, книга «Певец» содержала богослужебные песнопения, составленные во славу Господа Иисуса Христа, и давала указания, как и в каком порядке их петь.

Много внимания пению и музыке уделяет в своих трудах Климент Александрийский. Главной его мыслью является положение, что христианство неумолимо противостоит язычеству, и музыка как выражение самой сути эллинской культуры должна уступить свое место новому, внутреннему, нематериальному, беззвучному пению духа, принесенному на землю Господом Иисусом Христом. «Те, кто отрекся и освободился от Геликона и Киферона (гор посвященных языческим богиням, покровительницам музыкантов и поэтов — Д.Б.), пусть оставляют

их и переселяются на Сионскую гору: ведь с нее сойдет закон и «из Иерусалима — Слово Господне» (Ис. 2, 3), Слово Небесное, непобедимый в состязании певец, венчаемый победным венком в том театре, имя которому — мироздание. Этот мой Эвном поет не Терпандов и не Капионов, не фригийский, не лидийский и не дорийский ном, но вечный напев новой гармонии, Божий ном. Это пение новое, левитическое».

Свою книгу «Педагог», написанную в 190 году, Климент Александрийский заканчивает славословием, величественным гимном Христу Спасителю:

«Узда для жеребят неразумных,
Крыло птиц в полете не блуждающих,
Прочное кораблей Кормило,
Пастырь агнцев царских!
Твоих простых
Детей собери
Славить свято,
Воспевать бесхитростно
Устами невинными
Христа — детоводителя...
Хваления простые
Гимны неложные
Царю Христу,
В воздаяние благоговейное
За учение жизни,
Поем мы вместе,
Поем просто
Отрока Державного»³.

Этот гимн, по мнению митр. Филарета (Гумилевского), является самым ранним гимном первых христиан, дошедшим до

нас, и представляет собой «песнь церковную, а не есть творение самого Климента»⁴. Из анализа этого гимна можно заключить, что поэтический материал первых христиан, скорее всего, не подчинялся законам строгой и правильной метрики, поскольку ритм данного гимна не имеет отношения к классическому стихосложению или ритму поэзии, выработанной среди ученых. Эти стихи не подчиняются правилам научной просодии, но они, вероятнее всего, — произведение народной поэзии. Отсюда можно заключить, что и все гимны ранней церкви, назначавшиеся для пения собранием верующих, должны были приближаться к такой народной поэзии, свободной от оков стихосложения в собственном смысле.

Из авторов, трудившихся над созданиями богослужебных песнопений этого времени, необходимо упомянуть Афиногена, епископа Гераклеополя, митрополии Севастийской в Армении, мученика времен Диоклетиана (311). Именно ему приписывает Святитель Василий Великий авторство гимна «Свете Тихий», исполняемого и в наши дни на вечерне. А также святителя Григория, епископа Неокесарийского (254–270), написавшего песнопения: «Достойно и праведно есть», «Един свят, един Господь», «Тебе поем» и др. Эти песнопения святителя Василия Великого и Иоанн Златоуст включили в свои Литургии.

В песнопениях первых веков христианства часто воспевались подвиги святых, особенно тех, кто кровью засвидетельствовал свою верность Христу. Века II и III это период пастырей — свидетелей веры, которые, с одной стороны, защищали христианское учение от злобного нападения язычников, иудеев, ожесточенных гонителей, обличая их ложь и клевету, а с другой — свидетельствовали Божественность и святость нового учения неустрашимым своим исповеданием перед угрозами внешних врагов, собственной кровью, утверждая веру в победу Христа над смертью.

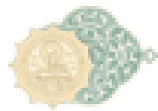
С наступлением IV века условия для развития богослужебного песенного творчества становятся более благоприятными. Казалось, внешние враги отступили, но на смену им пришли другие — ереси, извращающие догматы веры, основы христианства. И вот в это время обнаруживаются крепкие мужи — столпы веры, православия, которые силой слова, божественной мудростью, облеченной часто в форму песнопений, разбивали ложное мудрование еретиков, выражали истинный смысл высочайших догматов в отточенных и совершенных словесных формулировках, являя суть православной веры.

Еще до своего епископства Василий Великий (376) составлял песнопения для частного Богослужения, наставляя своих духовных чад при помощи их «усмирять мятеж страстей», встройной и благоразумной мелодии благоустраивая свою жизнь. Позднее святитель в беседе на «первую часть первого псалма» точно указал цель и задачу православного пения: «Дух Святый знал, что трудно вести род человеческий к добродетели и что по склонности к удовольствию мы нерадим о правом пути. Итак, что же делает? К учениям примешивает приятность сладкопения, чтобы вместе с усладительным и благозвучным для слуха принимали мы неприметным образом и то, что есть полезного в слове. Так и мудрые врачи, давая пить горькое врачество имеющим от него отвращение, нередко обмазывают чашу медом. На сей-то конец изобретены для нас сии стройные песнопения псалмов, чтобы и дети возрастом или не возмужавшие нравами, по-видимому только пели их, а в действительности обучали свои души... Посему псалмопение доставляет нам одно из величайших благ — любовь, изобретя совокупное пение вместо узла к единению и сводя людей в один согласный лик»⁵ В другом месте, размышляя над словами пророка Давида «во храме Его всякий глаголет славу» (Пс. 28, 9) и «Небеса поведают славу Божию» (Пс. 18, 2) Василий Великий грозно пре-

дупреждает о невнимательности и неблагоговейности при нахождении в церкви, а также обращает внимание на необходимость осмысленных молитвы и пения, чтобы в пении участвовал как дух, так и ум, прилежно размышляющий над тем, что поется. Он пишет: «Звание Ангелов — славословить Бога. Для всего небесного воинства одно дело — возсылать славу Создателю. Всякая тварь, и безмолвная и вещающая, и премирная и земная, славит Создавшего. А жалкие люди, оставив дома и стекшись в храмы, чтобы получить там некоторую пользу, не преклоняют слуха к словесам Божиим, не приходят в сознание своей природы. Не скорбят о том, что ими обладает грех, не скорбят, приводя себе на память грехи свои, не трепещут суда, но, с улыбкою простирая друг другу руки, дом молитвы делают местом длинных бесед, не внимая Псалму, который свидетельствует и говорит, что в храме Божием всякий *глаголет славу*. А ты не только сам не глаголешь славы, но и другому служишь препятствием, обращая его внимание на себя, и своим шумом заглушая учение Духа. Смотри, вместо того, чтобы получить награду за славословие, не выйди отсюда осужденным вместе с хулящими имя Божие. У тебя есть Псалом, есть пророчество, Евангельския заповеди, Апостольския заповеди. Пусть поет язык, пусть ум изыскивает смысл сказанного, чтобы воспеть тебе духом, воспеть же и умом. Бог не требует славы, но хочет, чтобы ты стал достоин прославления. *Посему еже сеет человек, тожде и пожнет* (Гал. 6, 7). *Посей славословие, чтобы пожать тебе венцы, и почести, и похвалы в царстве небесном*»⁶.

Святитель Иоанн Златоуст, по свидетельству ряда историков, составлял богослужебные песнопения как средство противодействия арианской ереси. Известно, что ариане использовали пение как мощное орудие для распространения своего учения. В арианских песнопениях, приятных для слуха, разлит был

яд ложного мудрования, которым они вводили православных в заблуждение. Еще при Феодосии Великом ариане были лишены своих храмов, поэтому они собирались для богослужений в городских портиках, и там, разделившись на два хора, пели антифоны и гимны, заключающие в себе ложное учение. С наступлением утра они отправлялись торжественным шествием из города в свои храмы, продолжая петь наполненные опасным учением гимны. Для пресечения такого зла св. Иоанн Златоуст ввел у себя в церквах ночные бдения, заставив петь хоры стройно и чинно, (он сам составлял тексты песнопений), и тем отвлекая православных христиан от заманчивых и опасных песнопений ариан. Литургисты приписывают Иоанну Златоусту введение особого рода песнопений, известных под названием тропарей. Особую ревность по благоустройству пения вверенной св. Иоанну пастве свидетельствует много мест в его творениях. «Давид, обращаясь к нам с духовной и небесной мелодией, делает нас самих посредством этого-напева духовными... Он поет не для того, чтобы польстить ушам, но желая усладить и усовершенствовать наш дух... Обычные песни и мирские мелодии, щекоча слух, и обманывая разум, уводят нас от добра, но небесные напевы приводят душу **в стройную упорядоченность**» (Толкование на псалом 100). И еще: «Ничто так не возвышает душу, ничто так не окрыляет ее, не удаляет от земли, не освобождает от телесных уз, не наставляет в философии и не помогает достигать полного презрения к житейским предметам, как согласная мелодия и управляемое ритмом божественное песнопение» (Толкование на псалом 41)

Подобно св. Иоанну Златоусту, много потрудился над составлением божественных песнопений, особенно в противовес еретикам, св. Ефрем Сирин (378). Сирийская церковь в III — IV вв. сильно страдала от лжеучения гностиков Вардасена и Армония. Видя большую привязанность сирийцев к пению и

желая отвлечь свою паству от еретического учения, Ефрем Сирин составлял гимны догматического и нравственного содержания, которым обучал благочестивых дев. По его распоряжению, девы собирались в церковь на Господские праздники и в воскресные дни, а также в праздники мучеников и антифонно пели различные песнопения, составленные преподобным. В результате весь город собрался к нему и были рассеяны враги Церкви.

Невозможно обойти вниманием современника Златоуста св. Епифания Кирского (403), создавшего такие песнопения, как «Тебе одеющегося» и «Приидите ублажим Иосифа»; а также св. Анфима, преп. Романа Сладкопевца, св. Иларию Пиктавийского (368), Анатолия, патриарха Константинопольского (458), св. Амвросия Медиоланского (391.), блаженного Августина, Исидора Севильского, трудившихся над формированием богослужебного пения Западной церкви.

VII, VIII и IX вв. — период рассвета богослужебного пения, когда явились великие, вдохновенные творцы песней, церковных служб, отдельных видов церковной гимнографии: Косма, епископ Маюмский, Феодор Студит (826), Иоанн Дамаскин (780), Митрофан, митрополит Смирский (IX в.), Феофан Начертанный (IX в.), Иосиф Песнописец (883), Андрей Критский (713), Софроний Иерусалимский (713) и др.

Предлагаемая читателю работа не преследует своей целью охватить всю историю богослужебного пения от ее зарождения вплоть до наших дней. Это огромный и очень серьезный труд. Многие сейчас учеными осмыслено и должным образом оценено, многое еще ждет своих исследователей. Как внутренняя жизнь духовного человека многообразна и необъятна, так и музыка, пение бесконечны в своем выражении духа и души человека. Сколько бы мы не обращались к различным эпохам, к тем или иным проявлениям, фиксациям человеческого духа — к пению и музыке, необходимо понять главное: источник жизни для челове-

ка заключен в Боге, путь к Нему лежит через служение, пение. В процессе богослужебного пения человек обучается радоваться Богу, любить Его, всю свою жизнь без остатка вручать Ему, как последний и высший дар (человека) своему Творцу и Создателю. Как бы ни менялись социальные, политические, экономические и нравственные условия жизни общества, как бы ни видоизменялись формы внешнего выражения веры, для человека всегда есть возможность реализовать свою жизнь как свободный ответ Богу, ответ на обращенный призыв к со-бытию, к совместной жизни, к жизни, объединенной любовью, принесенной на землю Спасителем и Богом — Иисусом Христом.

В заключение хотелось бы коснуться еще одной важнейшей темы, красной нитью проходящей через всю историю церковного пения. Это тема человеческой музыки.

В IV в. святитель Григорий Нисский (390), осмысливая извечную тему человеческого бытия, писал: «Человек есть некий «малый мир» (микрокосм), заключающий в себе все, что можно найти в «большом мире» (макрокосмосе). Между тем, порядок мироздания есть некая музыкальная гармония, в великом многообразии своих проявлений подчиненная некоторому строю и ритму... Коль скоро миропорядок в целом есть некоторое музыкальное созвучие, Творцом которого является Бог, как это говорит и Апостол, коль скоро человек есть «целый мир» и в то же время образ и подобие Того, Кто придал стройность мирозданию, — по необходимости все то, что раскусодок усматривает в макрокосмосе, должно отразиться и в микрокосмосе: ведь часть целого однородна с целым. В ничтожном осколке стекла, как в зеркале, можно видеть весь солнечный диск; так и в микрокосмосе, т.е. в человеческой природе, проявляет себя вся музыка, которую можно наблюдать в мироздании. И в части она соответствует целому, насколько целое может вместиться в части».⁷

В человеке, заключающем в себе Божественный образ, с рождения заложена вся полнота Божественного Первообраза, которую он должен воплотить, раскрыть, реализовать в своей жизни. С наступлением новозаветной эры перед христианином раскрылась тайна бытия и жизнедеятельности — непрестанное молитвенное предстояние, пение, воспевание. А человек мыслится как совершеннейший инструмент Святого Духа, созданный Богом для согласного единого звучания с Ним. Естественно, что только с Богом, со Святым Духом может звучать единая, истинная, гармоничная песнь, называемая праведной человеческой жизнью.

Святитель Иоанн Златоуст пишет: «Иудеям было заповедано прославлять Бога, пользуясь всеми музыкальными инструментами; так и нам повелевается хвалить Его при посредстве всех наших членов — очей, языка, слуха, рук...» (Толкование на псалом 150). И еще: «Станем же флейтой, станем кифарой Святого Духа... подготовим себя для Него, как настраивают музыкальные инструменты. Пусть он коснется плектром наших душ! Звучите согласным напевом, на радость не только людям, но и силам небесным!» (О Лазаре, V, 2).

Климент Александрийский, толкуя псалом 150 как заключительный псалом всей Псалтири, видит в нем глубокий смысл: «Дух Божественный, без сомнения... поет: *Хвалите его со звуком трубным: звуком трубным Он, ведь, и мертвых воскресит. Хвалите Его на псалтири и гусях: псалтирью (арфой) Господней является язык человека. Хвалите Его в цитре: под цитрой разуместь нужно уста, возбужденные как бы неким плектром Духом Святым. Хвалите Его с тимпаном и ликами: под тимпаном Он разумеет церковь, которая при звуках натянутой на барабан кожи воображает Воскресение мертвых. Хвалите Его на струнах и органе: органом называет Он наше тело, а струны суть телесные нервы, собой посредствующие гармоническое его настроение; будучи трогаемо Духом*

Святым, наше тело издает звуки человеческого голоса. *Хвалите Его на звучных кимвалах: кимвал — это язык во рту, ударяющий в уста. Потому сей Дух Святой вызывает к человечеству: Все дышащее да хвалит Господа* (Пс 150, 3—6); Он надзирает ведь за всем дышащим, им сотворенным»⁸

По мысли прп Максима Исповедника, в человеке, его душе, заключена «божественная десятирица струн духовной псалтири»⁹. Ибо слова пророка Давида «...в десятиструнном псалтири с песнию в гуслах» (Пс. 91, 4) и «Боже, песнь нову воспою Тебе, во псалтири десятиструнном пою Тебе» (Пс. 143, 9) нужно понимать как указание на то блаженное, обновленное покаянием состояние человека, когда душа «...обладая еще и разумом, который вторит духу с помощью другой блаженной десятирицы заповедей, создает духовным образом совершенные, гармоничные и слаженные звуки, воспевая ими Бога. И это для того, чтобы знать мне, каково значение десятирицы воспевающей и Десятерицы воспеваемой, а также чтобы знать, как десятирица, соединяемая и сочетаемая таинственным образом с другой десятирицей, возводит Иисуса — Бога и Спасителя моего, заполняемого мною, спасаемым, — к Себе Самому, Приснообильному и никогда не могущему выйти из Себя. И еще чтобы знать, как она восстанавливает чудесным образом и меня в самом себе и в Боге, от Которого я получил и имею бытие и к Которому я стремлюсь издали, добиваясь получить еще и благобытие»¹⁰

Очевидно, что под первой божественной десятирицей струн нужно понимать человеческую душу, приведенную в гармонию созвучным Божественному звучанию осуществлением заповедей и происходящим от этого духовным знанием, ведением, а под второй «Десятирицей воспеваемой» — Самого Бога. Здесь вдохновенными словами прп Максима раскрывается один из аспектов учения о «синергии» Бога и человека, следствием которой является обожение, освящение и преображение. У прп Максима

указывается и путь — через пение, гармонизацию всего существа человека к спасению Богом, через обожение.

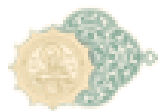
Эти же слова дополняются пониманием прп. Максимом символической стороны церковных песнопений: «Духовная сладость божественных песнопений, выражает радость божественных благ, которая возносит души к чистой и блаженной любви к Богу и которая внушает сильнейшее отвращение к греху»¹¹.

Весь видимый мир — неизреченная симфония в похвалу Богу. Хватит ли слов, эмоций, человеческого смысла, чтобы воспеть, восславить Создателя всего? Основав законы, пронизав все гармонией и красотой, наполнив мир звучанием, Господь ждет Мироздание поет свою песнь. Земля, страдая и стесняя от человека, поет свою песнь. Птицы поют, рыбы безгласные «вопиют», все звучит. Какова твоя песнь, человек? Человеческая музыка — музыка здоровья, радости, надежды, смысловой полноты, песнь веры, волевой собранности, мужества, терпения, любви! Или же?..

Каков ритм жизни, созвучен ли он ритму Православной Церкви, жизнеспособен ли он? Какую песнь человек поет делами, мыслью?

«Быть может, музыка есть не что иное, как призыв к более возвышенному образу жизни, наставляющий тех, кто предан добродетели, не допускать в своих нравах ничего не музыкального, нестройного, несозвучного, не натягивать струн сверх должного, чтобы они не порвались от ненужного напряжения, но также и не ослаблять их в нарушающих меру удовольствиях: ведь если душа расслаблена подобными состояниями, она становится глухой и теряет благозвучность. Вообще музыка наставляет натягивать и отпускать струны в должное время, наблюдая за тем, чтобы наш образ жизни неуклонно сохранял правильную мелодию и ритм, избегая как чрезмерной распушенности, так и излишней напряженности»¹².

Библиографические ссылки и примечания

1. Архим. Гавриил. Руководство по Литургике, или Наука о Православном Богослужении. Тверь, 1886. С. 121.
2. Евсевий Памфил. Церковная история. Кн. 2, гл. 17; кн. 6, гл. 30.
3. Климент Александрийский. Педагог. Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла. С. 286-287.
4. Архиеп. Филарет (Гумилевский). Исторический обзор песнопевцев и песнопения греческой церкви. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 59.
5. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого Архиеп. Кесарии Капподокийския. М., 1845. Ч. I. С. 178-179.
6. Там же. С. 244 -245.
7. Св. Григорий Нисский. Толкование к надписаниям псалмов (О музыке гармонии сфер) // Музыкальная эстетика западноевропейского средневековья и возрождения. М., 1996. С. 107.
8. Климент Александрийский. Педагог. Цит. соч. С. 145-146.
9. Прп. Максим Исповедник. Мистагогия. С. 162.
10. Там же. С. 162-163.
11. Там же. С.170.
12. Григорий Нисский. Цит. соч. С. 109.